

Святослав БЭЛЗА: *Известия - 2002 - 26 апр - с. 3* Я был чемпионом Москвы по шпаге

Сегодня исполняется 60 лет Святославу Бэлзе. Этот день в его жизни не будет сильно отличаться от других. Самый знаменитый в нашей стране конференсье проведет его в работе, на сцене Большого театра, где с утра — репетиция церемонии Benois de la danse, а вечером — сама церемония. Накануне праздника со Святославом БЭЛЗОЙ встретилась корреспондент «Известий» Екатерина БИРЮКОВА.

— В связи с круглой датой логично поговорить о цифрах. Вы когда-нибудь подсчитывали, сколько концертов вы провели, сколько телепередач сняли, сколько предисловий написали?

— Многое учету уже не поддается. Знаю, что предисловий около ста — от Шекспира до Грэма Грина. Но я всегда помню, что «богатыри — не мы». У моего папы, например, было одних книг и брошюр четыреста штук. А газетные и журнальные статьи — там

счет шел на тысячи. Вообще, к этой цифре я отношусь не слишком серьезно. Я, конечно, тронут, что «Известия» меня не забыли. Я ведь в 60-е годы начинал печататься в «Неделе» — это приложение к «Известиям» — и до сих пор храню известинское удостоверение. Вместе с тем вся эта кампания по празднованию моего юбилея имеет и негативный оттенок. Не так давно, например, в газете «Культура» какая-то учительница написала, что девочки ее класса влюбле-

ны в меня, и я собирался в этот класс приехать, а тут та же газета объявляет о том, что мне шестьдесят! И это уже как-то мешает появиться перед школьниками. Я представляю, что в 16—17 лет цифра 60 кажется устрашающей.

— А вы сами себя на сколько ощущаете?

— Иногда себя чувствую неприлично молодым. И не только при виде хороших школьников. А просто потому, что темп, в котором я живу, не позволяет задумываться о возрасте.

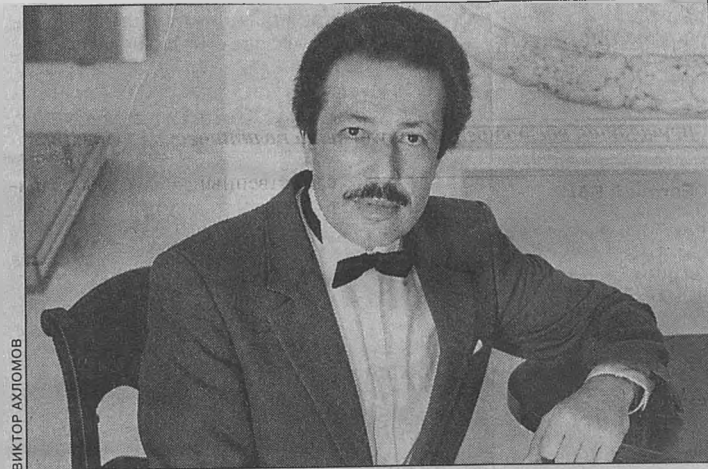
— У вас много профессий — литературовед, тележурналист, музыкальный просветитель, конференсье. Какая самая важная?

— Родители, конечно, хотели, чтобы я стал музыкантом. Но и не делали трагедии, когда я сначала

увлекся фехтованием (я был чемпионом Москвы среди юношей по шпаге), а потом литературой. Сейчас самая главная работа — та, что занимает больше времени — ведение концертов.

— Вы общаетесь с большим числом людей искусства, которые зачастую бывают очень обидчивы. У вас есть какой-то свод правил, позволяющий сохранять со всеми хорошие отношения?

— Мне не приходится строить какую-то стратегию поведения. И в жизни, и на экране я просто стараюсь быть самим собой. Когда я начинал работать на телевидении, я спрашивал режиссеров, что я должен делать. «А ты ничего не делай, как говоришь, так и говори», — отвечали мне. Вот я и говорю.

ВИКТОР АХЛОМОВ

— У вас неизменный сценический облик — бабочка, смокинг. Никогда не хотели его поменять?

— Папа мой всегда ходил только в бабочке — даже во двор погулять. Он родился до революции, в дворянской семье, и в

этом, может быть, проявлялся его аристократизм духа. Я за кефиром в бабочке, конечно, не хожу, но на публике стараюсь быть в ней, поскольку считаю, что в искусстве важно не только содержание, но и форма.